

A portrait of a man with dark, wavy hair, wearing a dark suit, white shirt, and patterned tie. He is looking to the left of the frame. The background is a blurred office setting.

АЛЕКСАНДР КОСАЧЕВ

ЗАВУЧ

ЗАПРЕТ НА ЧУВСТВА

Александр Андреевич Косачев

Завуч. Запрет на чувства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73401008

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что просто пришла преподавать русский язык и литературу. Но идеальная школа с безупречной репутацией оказалась ловушкой, где каждый шаг отслеживается, а любое отклонение от правил может стать роковым.

Молодая учительница Алина сталкивается с холодным заместителем директора Марком, чья беспристрастность граничит с жестокостью. За фасадом безупречной школы скрываются тайны, которые могут стоить карьеры.

Содержание

Глава 1. Новая школа	4
Глава 2. Правила Марка	10
Глава 3. Первый сигнал	17
Глава 4. Первая анонимка	23
Глава 5. Ошибка и удар	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Косачев

Завуч. Запрет на чувства

Глава 1. Новая школа

Алина вышла из автобуса на две остановки раньше, чтобы пройтись пешком и успеть выдохнуть. Утро было из тех, когда воздух звенит, а внутри все чуть дрожит, как тонкая струна. Она шла медленно, чтобы не выдать себя спешкой, и все равно чувствовала, как сердце ускоряется при каждом взгляде на часы.

Школа появилась за поворотом внезапно: светлый фасад, ровный газон, свежая краска на ограждении. На входе висела аккуратная табличка, рядом стенд с фотографиями: улыбочивые дети, надписи большими буквами: «Победители», «Проекты», «Наши достижения». Витрина была безупречной, даже слишком.

У дверей ее встретила вахтерша в чистой форме, с привычкой смотреть прямо в лицо.

– Вы к кому?

– Я... новый учитель. Русский и литература. Алина Сергеевна, – она проговорила имя ровно, будто тренировалась.

Вахтерша сразу смягчилась, но не до конца.

– А, новенькая. Проходите. В учительскую на второй этаж, направо. Только... – она чуть понизила голос и быстро оглянулась на коридор. – Вы аккуратнее тут. У нас... порядок.

Слово «порядок» прозвучало так, словно в нем было не про дисциплину, а про осторожность.

Коридоры были чистыми и тихими. Слишком тихими для утра. На стенах плакаты, стенды, свежие объявления, аккуратные стрелки. Алина отметила машинально: все сделано так, чтобы посетителю казалось – здесь спокойно, уверенно, современно.

И одновременно она почувствовала другое: тонкое напряжение, будто в воздухе есть невидимая нитка, за которую лучше не дергать. На лестнице ей попала женщина в деловом костюме с папкой, которая шла быстро и не подняла глаз. Из-за двери кабинета мелькнула чья-то фигура и сразу исчезла, как при проверке. Где-то на первом этаже коротко звякнул звонок телефона, и голос ответил резко, сухо – на полуслове оборвался.

Учительская оказалась просторной, с новыми шкафами под методички и рабочие папки, множеством столов с одинаковыми компьютерами и зелеными шторами, подобранными «как надо». На столе – список дежурств, расписание, план мероприятий – все в файлах. Чайник, печенье в коробке, стаканчики – будто забота о коллективе была частью того же фасада.

Внутри уже было несколько человек. Они разговаривали негромко, и, когда Алина вошла, все как будто одновременно вспомнили о делах.

– Здравствуйте, – сказала она.

Пара голосов ответила почти синхронно:

– Здравствуйте.

К ней подошла женщина лет сорока пяти с аккуратной стрижкой и внимательными глазами. Внешне – приветливая, в голосе – профессиональная отточенность.

– Алина Сергеевна? Молодой специалист? Очень приятно. Я Ольга Викторовна, методист по гуманитарному циклу. Проходите, располагайтесь. Документы у вас с собой?

Алина кивнула, протянула папку.

Ольга Викторовна пролистала быстро, слишком быстро. На секунду задержалась на одном листе, взгляд чуть застыл, но лицо не изменилось.

– Все в порядке. Вы у нас на русском и литературе, да? Классное руководство пока не дают, – она произнесла это как хорошую новость, но в словах было «пока». – Сейчас покажу ваш кабинет и познакомлю с администрацией.

«С администрацией» прозвучало так, будто она располагалась на другой планете.

Пока они шли по коридору, Алина ловила обрывки разговоров из приоткрытых дверей: «успели ли распечатать», «не так написали в отчете», «снова родители в чате», «только бы без сюрпризов». Никто не говорил громко, но все говорили

быстро, будто время поджимало.

Ольга Викторовна остановилась у кабинета с табличкой «Заместитель директора». Коротко постучала и почти сразу открыла.

– Марк Александрович, к вам новый учитель русского и литературы, Алина Сергеевна.

Кабинет был строгий: стол без лишнего, стопки папок, ноутбук, на стене – план-график, распечатки, приказы. За столом сидел мужчина. Он поднял глаза.

Алина ожидала увидеть кого-то старше, тяжелее, административнее. Но Марк Александрович выглядел ровно и собранно. Тридцать – это не взрослый дядя, это уже уверенный человек, который не объясняет, почему он здесь главный. Лицо спокойное, без улыбки, но и без грубости. Взгляд – прямой, оценивающий, будто он видит не человека, а набор рисков.

– Доброе утро, Алина Сергеевна, – произнес он корректно. – Присаживайтесь.

Она села на край стула, папку держала на коленях.

– Предметы: русский язык, литература, – он говорил ровно, без пауз. – Расписание вам выдадут. Поурочное планирование должно быть оформлено по нашим требованиям. Ведение журнала строго ежедневно. Внеурочную деятельность согласовывать заранее. Контакт с родителями – только через классного руководителя или по поручению администрации. Вопросы?

Ольга Викторовна стояла рядом, слегка улыбаясь, как человек, который уже видел десятки таких утренних знакомств.

Алина хотела сказать что-то человеческое. Что она рада. Что у нее есть идеи по чтению. Что она умеет работать с подростками, пусть и мало опыта. Но в этой комнате человеческое казалось неуместным.

– Я поняла, – ответила она. – По планированию... у вас есть шаблон?

– Вы получите на почту. Сегодня до конца дня пришлите мне поурочные планы на неделю, – сказал Марк Александрович так же спокойно, будто просил принести мел. – И еще. У нас школа с высоким уровнем требований. Ошибок стараемся не допускать. Если где-то сомневаетесь – спрашивайте заранее, не постфактум.

Его «стараемся» звучало как «не допускаем». А «спрашивайте» – как «не создавайте проблем».

– Хорошо, – сказала она.

Он кивнул, взгляд на секунду задержался на ее папке, потом снова стал нейтральным.

– Добро пожаловать в коллектив.

Ни «удачи», ни «не волнуйтесь». Просто констатация факта, как отметка в журнале. Когда они вышли, Ольга Викторовна чуть ускорила шаг, будто ей хотелось поскорее вытащить Алину из этого холода.

– Он у нас... очень собранный, – сказала она осторожно. –

Но справедливый. Вы привыкнете.

«Привыкнете» звучало не как утешение, а как инструкция по выживанию.

Алина дошла до своего кабинета, посмотрела на стол учителя, на доску, на ряд аккуратных стульев. Здесь можно было дышать. Здесь, казалось, можно было быть собой.

И все равно ощущение нитки в воздухе не пропало.

Она достала телефон, чтобы отметить себе «планы до конца дня», и в этот момент пришло сообщение с номера, сохраненного у нее как «Куратор».

Текст был коротким: «Помни, ты здесь не просто учитель.»

Алина прочитала дважды. Затем убрала телефон в карман так быстро, будто экран мог светиться сквозь ткань. Она выпрямилась, посмотрела на пустой класс и впервые за утро почувствовала не только тревогу, но и тяжесть ответственности.

Витрина была идеальной.

И именно поэтому ей стало по-настоящему страшно.

Глава 2. Правила Марка

К своему первому уроку Алина пришла на десять минут раньше. Не потому что боялась опоздать, а потому что хотелось освоиться: включить свет, протереть доску, разложить учебники, проверить, как открываются окна. Чтобы хоть что-то в этот день зависело от нее.

Кабинет пах мелом и свежей краской. На стене висели портреты писателей, аккуратные, как из каталога. В углу стояла стопка одинаковых тетрадей для контрольных, на подоконнике – горшок с упрямо живой геранью.

Она успела написать на доске тему: «Повторение. Текст и смысл». Почерк у нее был ровный, спокойный. Она специально выбрала тему без риска: никакой «революционной» методики, никаких провокаций. Просто знакомство, разогрев, маленькая диагностика.

Шум в коридоре нарастал, и вместе с ним в Алине нарастало чувство, будто за дверью стоит не класс, а бешеный буйвол.

Дверь открылась вместе со звонком. Ученики вошли шумно, но быстро расселись. Седьмой класс – тот возраст, когда они еще могут выглядеть детьми, но уже умеют смотреть как взрослые: оценивающе, цепко, с легкой насмешкой, если почувствуют слабинку.

– Доброе утро, – сказала Алина. – Я ваш новый учитель русского и литературы. Алина Сергеевна.

– А прежняя куда? – спросил кто-то с задней парты.

– Она в декрет ушла, – ответила девочка у окна, будто знала все заранее.

Алина кивнула, не стала задерживаться на этом.

– Начнем с простого. Мне важно понять, как вы пишете, как формулируете мысли. Сейчас я продиктую небольшой текст, а вы...

Дверь снова открылась, и в класс вошел Марк Александрович.

Не стремительно, не шумно – так входят люди, которые не боятся быть замеченными. Он не извинился и не объяснил. Просто прошел к последней парте и сел, положив на колени ежедневник и ручку.

В классе стало ощутимо тише. Тишина была странной: не уважительной, а настороженной, как при появлении инспектора.

Алина почувствовала, как у нее мгновенно пересохло во рту. Внутри шевельнулась обида: почему без предупреждения? Почему прямо на первом уроке?

Она заставила себя не повернуться к нему и не спросить вслух «что происходит». Это было бы слабостью. А слабость здесь, она уже поняла, фиксируют как нарушение.

– Итак, – сказала она ровно и чуть громче, чем нужно. – Пишем дату. Затем: «Мини-сочинение на одну страницу. Те-

ма: что такое точность слова».

Несколько учеников переглянулись: слишком взрослые слова для первого знакомства. Но Алина специально выбрала такую формулировку – проверить уровень и настроить на предмет.

Она прошлась между рядами, наблюдая, как кто держит ручку, кто сразу начинает писать, кто тянет время. Класс был разный: кто-то уверенно выводил строки, кто-то листал тетрадь, будто искал спасение в старых записях.

Марк Александрович сидел неподвижно. Не смотрел в телефон. Не отвлекался. Иногда опускал глаза в ежедневник и делал короткие заметки. Ни одного лишнего движения.

Алина все время ощущала его присутствие кожей, как холодный сквозняк: вроде не мешает, но заставляет поежиться.

Когда пришло время проверять, она попросила двоих прочитать вслух.

– Давайте, кто смелый. Добровольцы?

Поднялась рука мальчика в середине класса.

Он прочитал неплохо: простые фразы, но мысль была. Алина кивала, стараясь показать, что здесь можно говорить, можно пробовать.

– Хорошо. Есть точные слова, есть лишние. Вот тут можно убрать «очень», оно ничего не добавляет. Молодец, – сказала она.

Она услышала, как ручка на задней парте коротко царапнула бумагу. Не громко, но так, что ей показалось: это про

ее «молодец». Про то, что нельзя «раздавать» похвалу, пока не убедился.

Второй текст читала девочка с первой парты. Девочка говорила слишком быстро, сбивалась, краснела. Алина хотела остановить и поддержать, но она знала: если сейчас начнет «нянчиться», это снова будет выглядеть как непрофессионализм.

– Не торопись, – сказала она мягко. – Вдох. Еще раз.

Девочка справилась.

В конце урока Алина подвела итог: коротко, по делу. Дала домашнее задание: составить десять примеров «неточных» слов из разговорной речи и заменить их более конкретными. Это было несложно и полезно.

– Все, спасибо. До свидания, – сказала она.

Ученики вскочили, задвигали стулья, шум вернулся. Марк Александрович поднялся последним. Подождал, пока класс выйдет, и подошел к учительскому столу.

Алина удержала лицо спокойным.

– Марк Александрович, – начала она, – вы хотели...

– Я наблюдал, – перебил он без грубости. – Первый урок.

Нормально.

Слово «нормально» прозвучало как оценка «удовлетворительно», которая не дает ни радости, ни опоры.

Он открыл ежедневник.

– Замечания. Первое: вы начали с письменной работы без организационного блока. Правила поведения, структура

урока, ожидания. Дети у нас разные, границы нужны сразу.

Алина почувствовала, как в груди поднимается горячая волна. Ей хотелось сказать: «Я не вчера родилась. Я умею держать класс». Но слова застряли. Она понимала, что он фиксирует не как человек, а как должностное лицо.

– Второе: вы дважды использовали оценочную похвалу без критериев. «Молодец» и «хорошо» – это эмоция. Формулируйте конкретно: что именно хорошо.

Он говорил ровно, не поднимая голоса, не смакуя власть. От этого было хуже: унижение не звучало в словах, оно читалось в самой процедуре. В том, что ее, взрослого человека, только что разобрали по пунктам.

– Третье: домашнее задание. Оно интересное, но его нужно привязать к программе и записать в журнал корректно. Проверю, как вы оформите.

– Я оформлю, – сказала Алина.

– Надеюсь, – ответил он спокойно. – И еще. В следующий раз предупреждайте класс, если планируете чтение вслух. Некоторые дети реагируют остро.

Она кивнула. Она хотела спросить: «Почему вы не предупредили меня?» Но уже понимала: это вопрос, который она проиграет. Он всегда будет прав.

Марк Александрович закрыл ежедневник.

– В целом потенциал есть. Но у нас школа не про потенциал. У нас школа про результат и порядок.

И ушел.

Алина осталась одна в пустом классе. Доска была испи-сана, на полу лежала вырванная бумажка, окно чуть дрожа-ло от сквозняка. Ей хотелось сесть и просто молча посидеть минуту, чтобы не сорваться.

Она не плакала. Ей было стыдно не за урок – за то, что она почувствовала себя маленькой. Как будто ее поставили на табурет и показали всем: «Смотрите, новенькая. Сейчас будем проверять».

Она собрала тетради, закрыла кабинет и пошла в учитель-скую.

Там было тесно и шумно, как в комнате ожидания. Кто-то наливал чай, кто-то листал журналы. Несколько коллег говорили вполголоса, но, заметив Алину, притихли. Не все. Только те, кто понимал, откуда она сейчас.

Ольга Викторовна подняла на нее взгляд.

– Как прошло?

– Нормально, – повторила Алина чужое слово, и сама услышала, насколько оно пустое.

У стола у окна две учительницы разговаривали, не слиш-ком стараясь скрывать.

– Он опять на уроке сидел? – спросила одна.

– Сидел, – ответила другая и усмехнулась. – Ну все, дер-жись. Он новеньких сживает. Всех. По одному.

Алина застыла с чашкой в руках. Чайник шелкнул, вода перестала кипеть, и тишина на секунду провалилась внутрь нее.

«Сживает».

Слово было грубое, будто про насекомых.

Она сделала вид, что не услышала. Повернулась к столу, открыла свой блокнот и стала записывать задания, хотя руки немного дрожали.

Но внутри уже встала новая мысль, холодная и ясная: если про него так говорят, значит, здесь не просто строгий порядок. Здесь система.

И она попала прямо в ее центр.

Глава 3. Первый сигнал

На третий день Алина уже знала короткие маршруты по школе: где лестница тише, где можно быстро распечатать, как пройти в библиотеку так, чтобы не столкнуться с толпой на перемене. Она даже научилась не вздрагивать, когда по коридору проходил Марк Александрович: не ускорять шаг, не прятать взгляд, не делать вид, что очень занята.

Внешне все действительно выглядело ровно. Даже слишком ровно.

– Что-то вы прячетесь от нас, – услышала она однажды в учительской.

Алина вздрогнула.

– Я... нет, просто пока привыкнешь ко всему.

Учительница, которая обратилась, к ней подошла ближе и улыбнулась. Она была уже действительно пожилой, но глаза ее оставались добрыми и умными. И это был первый человек, который так тепло посмотрел на Алину.

– Я Федорова Татьяна Павловна, – учительница протянула руку. – Старожил этой школы.

– А я Алина, то есть Алина Сергеевна, – поправила себя девушка, пожимая ладонь. – Я новенькая.

– Забегайте ко мне в 119, посплетничаем немного. А то вы совсем себе места не находите. Не отрывайтесь от коллектива!

Татьяна Павловна ушла, помахав на прощание. Алине же хотелось верить, что таких приятных коллег она станет встречать чаще. Однако то были лишь ее хотелки.

После уроков Ольга Викторовна попросила ее «помочь по мелочи».

– У нас гуманитарный проект по параллели, – сказала она. – Надо посмотреть тетради. Там у детей работа: мини-исследование, цитаты, выводы. Чисто формально: чтобы было красиво и по требованиям. Вы же русский ведете, глаз у вас есть.

«Красиво и по требованиям» в этой школе звучало как отдельный предмет.

Они прошли в методкабинет. На столе уже лежали стопки тонких тетрадей одинакового формата. Обложки подписаны аккуратным почерком, ровно по линейке, без смазанных букв. Алина взяла верхнюю.

Внутри все было так, как любят на конкурсах: титульный лист, цель, задачи, план, список литературы. Текст набран печатным почерком, без помарок. Цитаты – как по учебнику. Выводы – правильные, взрослые.

Она пролистала еще одну тетрадь.

Те же формулировки. Те же обороты. То же «актуальность темы обусловлена». Даже запятые стояли одинаково.

Алина взяла третью, четвертую. Почерк везде чуть разный, но странно похожий: будто один человек старался «делать по-разному», чтобы не бросалось в глаза.

– Ольга Викторовна, – сказала она осторожно, – а дети сами это писали?

Ольга Викторовна не подняла головы от своего списка. Ее голос остался прежним, мягким.

– Конечно, сами. Под руководством учителя. Мы же направляем.

– Просто... – Алина подбирала слова. – Они очень одинаковые. По структуре, по формулировкам.

Ольга Викторовна наконец посмотрела на нее. Взгляд был внимательный и чуть усталый.

– Алина Сергеевна, вы молодая. Это нормально, что вы удивляетесь. Но у нас школа участвует в рейтингах. Проекты должны быть на уровне. Детям дают шаблон, они заполняют.

– Да, шаблон – понятно, – не сдавалась Алина. – Но тут прямо... как копия.

Ольга Викторовна чуть улыбнулась, но улыбка была не дружеской, а «закрывающей тему».

– Главное, чтобы ребенок понял смысл. А оформление и формулировки – это навык. Мы учим.

Алина кивнула, но ощущение не уходило. Эти тетради не были похожи на детскую работу. В детских тетрадях всегда есть жизнь: неровность, спешка, смешные ошибки, личные слова. Здесь была стерильность.

Она пролистала одну тетрадь до конца и заметила маленькую деталь: в нескольких местах ручка чуть сильнее продавала бумагу, как будто писали на мягкой подложке. Везде

одинаково. Это бывает, когда пишут пачкой, быстро, в одном месте, одним ритмом.

Она положила тетрадь обратно и заставила себя не показывать, что внутри что-то щелкнуло.

Позже, уже в коридоре, Алина увидела стенд «Литературная олимпиада. Наши победы». Он был оформлен идеально: одинаковые рамки, одинаковые шрифты, фотографии, грамоты, благодарности. Даже ленты на углах листов были наклеены под одним углом.

Алина остановилась, прочитала фамилии. Победители – сплошь из одних и тех же классов. И почти все работы – «высокий уровень анализа», «глубина», «оригинальность».

Она подошла ближе. Под одним из листов заметила подпись: «Сопровождение: О.В.» – Ольга Викторовна. Под другим – инициалы другой учительницы.

«Сопровождение» – нормальное слово. Но в этой идеальности оно звучало так, будто сопровождали не ребенка, а результат.

К стенду подошла библиотекарь, невысокая женщина с быстрыми руками, которые все время что-то поправляли: край бумаги, уголок, рамку.

– Красиво у вас, – сказала Алина искренне.

– Красиво, – согласилась библиотекарь и тут же, не глядя, добавила: – Только лучше не вглядывайтесь.

Алина повернулась.

– Что?

Библиотекарь как будто спохватилась. Поджала губы, поправила рамку и сделала вид, что сказала не то.

– Я... в смысле, не отвлекайтесь. У вас своих дел хватит.

– Я просто хотела понять, как вы готовите детей к олимпиаде, – спокойно сказала Алина. – Мне интересно. Я могу помочь, если...

– Не надо, – перебила библиотекарь слишком быстро. Потом вздохнула и уже тише добавила: – Тут все давно налажено. Не лезьте.

Алина почувствовала, как внутри снова поднимается тот самый холодный комочек, который появился после сообщения куратора. Она смотрела на стенд и вдруг увидела в нем не гордость школы, а витрину. Ту самую – гладкую, красивую, без права на случайность.

Она пошла в учительскую, чтобы забрать вещи. В комнате было шумно, кто-то обсуждал проверочные, кто-то ругался на родителей в чате. У окна сидела та самая учительница, которая накануне сказала про «сживает». Она листала журнал и явно была в хорошем настроении.

– Алина Сергеевна, – окликнула она, – вы сегодня в методкабинете были?

– Да, смотрела проектные тетради, – ответила Алина ровно.

Учительница прищурилась, будто оценивая, сколько в Алине наивности.

– И как вам?

Алина помедлила.

– Слишком идеально.

В учительской на секунду стало тише. Не вся комната – только ближайшие голоса как будто сбились.

Учительница усмехнулась.

– Идеально – значит, хорошо. Радоваться надо.

Алина смотрела на нее и не могла понять, это предупреждение или насмешка.

К разговору наклонилась другая коллега, постарше, с усталым лицом.

– Слушайте, – сказала она тихо, почти по-доброму. – Вы же только пришли. Не суйтесь. Тут так принято.

Она сказала это без злобы. Как совет, который дают человеку, чтобы он не ударился об острые углы.

Алина кивнула, будто согласилась. Она даже улыбнулась – вежливо, правильно.

Но внутри у нее все окончательно сложилось в одну картину.

Если «так принято», значит, это не случайность.

Это правило. И правил в этой школе было больше, чем написано в приказах.

Глава 4. Первая анонимка

Утро началось с тишины.

Не обычной школьной – когда еще не прозвенел звонок и коридоры только наполняются шагами. Это была другая тишина: плотная, деловая, как перед грозой. Даже дети на первом этаже говорили тише, чем вчера, и неслись не толпой, а короткими группами, словно чувствовали, что сегодня лучше не выделяться.

Алина поднялась в учительскую и сразу заметила: учителя говорят полупшепотом, чайник не включают. Ольга Викторовна стояла у окна с телефоном у уха и слушала, почти не моргая.

Когда она закончила, то не улыбнулась, как обычно. Просто сжала губы и посмотрела на часы.

– Через десять минут в актовЫй зал, – сказала она громче, чем хотелось бы. – Срочно. Всем.

– Что случилось? – спросил кто-то.

Ольга Викторовна не ответила сразу. Только кивнула на дверь, как человек, который не имеет права обсуждать до общего объявления.

Алина взяла блокнот и пошла вместе со всеми. По дороге слышала обрывки фраз:

– Опять?

– Кто на этот раз?

– Да сколько можно...

– Тихо.

Актовый зал был холодным, со свежeweымытым полом и рядами стульев, расставленных слишком ровно. На сцене стоял стол. За ним – директор и Марк Александрович. Директор выглядел уставшим, как будто ночь была длинной. Марк, как всегда, был собран: ровная спина, папка, ручка, взгляд, который не цепляется за эмоции.

Когда все расселись, директор начал без вступлений:

– Коллеги, в районное управление образования ушла анонимная жалоба. Новая. По содержанию – серьезная. Назначен предварительный визит комиссии. Не проверка в полном смысле, но... – он сделал паузу, подбирая слово, – осмотр, беседы, запрос документов.

В зале кто-то тихо выдохнул. Кто-то шепнул: «Ну вот».

Алина почувствовала, как у нее внутри все сжалось. Не потому что она боялась комиссии. Потому что слово «анонимная» в этой школе звучало как выстрел.

Директор кивнул Марку.

– Дальше – Марк Александрович.

Марк поднялся. Не торопясь. Он не пытался успокоить. И не нагнетал. Он просто начал говорить так, будто объявлял расписание.

– Комиссия будет в четверг. С утра. По списку: журналы, приказы, протоколы родительских собраний, отчеты по

внеурочной деятельности, результаты мониторингов, планы воспитательной работы.

Он открыл папку и продолжил, не поднимая голоса:

– С сегодняшнего дня вводится режим строгой готовности. Это не «паника», – он чуть выделил слово, будто заранее отрезал возможность обсуждать, – это дисциплина.

В зале шевельнулись.

– Первое. Все журналы заполняем ежедневно, без «допишу потом». Второе. Любые сборы денег, любые просьбы «скинуться» – прекращаем. Если такое было – с сегодняшнего дня это должно прекратиться полностью.

Алина уловила, как несколько человек одновременно напрыглись. Кто-то кашлянул.

– Третье. Общение с родителями. Никаких лишних сообщений в чатах. Никаких эмоциональных формулировок. Никаких спорных тем. Если конфликт – сразу к классному руководителю и администрации.

Он говорил спокойно, но от этого ощущение давления только усиливалось: будто он накрывал школу стеклянным колпаком.

– Четвертое. В кабинетах – порядок. Документы – в папках. Личные вещи – убрать. Проверяют все, включая мелочи. Они любят мелочи.

На слове «они» в зале кто-то усмехнулся, но тут же затих.

– Пятое. Никто не обсуждает жалобу. Ни с детьми, ни с родителями, ни между собой в коридорах. Любые разговоры

могут быть интерпретированы.

Алина отметила: он не сказал «это ложь». Он сказал «не обсуждать». И это было красноречивее всего.

Директор попытался добавить человеческого:

– Коллеги, прошу спокойствия. Мы работаем...

Но Марк снова взял слово, коротко, будто подвинул эмоции в сторону.

– Я назначаю ответственных. Ольга Викторовна – гуманитарный цикл. Светлана Петровна – начальная школа. Ирина Николаевна – классные руководители. Мне – все сводные материалы до завтра, до 18:00.

В зале кто-то поднял руку:

– А что в жалобе-то?

Директор посмотрел на Марка, и тот ответил сам:

– Формулировки стандартные: давление на детей, принуждение к участию в мероприятиях, «поборы», фальсификация отчетности. Плюс персональные обвинения в адрес администрации.

Слова упали тяжело. Даже тем, кто привык.

Алина почувствовала, как по спине проходит холодок. Ей стало ясно: это не просто «шум». Это удар.

Марк продолжил, и в его голосе впервые мелькнуло что-то личное – не эмоция, а напряжение.

– Я повторяю: никаких самодеятельных действий. Если кто-то решит разбираться сам, он поможет не школе, а комиссии.

Алина невольно вспомнила тетради, олимпиады, идеальность, предупреждение «не суйся». Все встало в одну линию.

Собрание закончилось быстро. Люди поднялись, заговорили чуть громче, но это уже были не разговоры, а обмен тревогой.

В коридоре Алина остановилась у стенда с расписанием комиссии, который Марк распорядился повесить немедленно. Ольга Викторовна быстро раздавала задания, кто-то уже бежал за папками, кто-то нервно писал в телефон.

– Алина Сергеевна, – окликнула Ольга Викторовна, – вы тоже включены. Подготовьте, пожалуйста, поурочные планы и журнал. И... список внеклассных мероприятий, если вы что-то планировали.

– Я пока ничего не планировала, – сказала Алина.

Ольга Викторовна кивнула:

– И правильно.

Эта фраза прозвучала странно: как будто лучше вообще ничего не делать, чем сделать не так.

Алина пошла к своему кабинету. На лестнице ее догнал Марк Александрович.

– Алина Сергеевна.

Она обернулась. Он стоял на ступень ниже, чтобы смотреть прямо в глаза, не сверху. Вроде бы уважительно. Но от этого было еще более официально.

– Да, Марк Александрович?

Он молчал секунду. Взгляд был спокойным, но изучаю-

щим. Не «как вы себя чувствуете», а «что вы из себя представляете».

– Вы в школе недавно, – произнес он. – И, возможно, не понимаете, как работает система жалоб. Иногда люди пишут анонимно из-за личных конфликтов. Иногда – из желания навредить.

– Я понимаю, – сказала Алина.

– Хорошо. Тогда я задам прямой вопрос, – его голос остался ровным. – Вы ни с кем из района не общались по поводу нашей школы? Не передавали информацию? Не обсуждали внутренние вопросы?

Алина почувствовала, как у нее внутри все мгновенно напряглось. словно кто-то резко включил свет.

Вот он. Первый прямой прицел.

Она заставила себя не отвести взгляд.

– Нет, – сказала она.

Слово прозвучало ровно. Слишком ровно.

Марк чуть кивнул, будто отметил в уме.

– Замечательно. Тогда работаем. И еще, – добавил он, делая шаг в сторону, чтобы пропустить проходящих, – в ближайшие дни вы будете особенно осторожны в формулировках. Любая фраза может быть вырвана из контекста.

– Поняла.

Он не улыбнулся. И не смягчил.

Просто снова посмотрел на нее – впервые не как на новичка, который может ошибиться, а как на возможную при-

чину того, что сейчас происходит.

И ушел, оставив Алину на лестнице с ощущением, что ее «нет» не стало ответом. Оно стало пунктом в его внутреннем списке проверок.

Алина поднялась в кабинет, закрыла дверь и достала телефон. Она не писала куратору. Не сейчас. Здесь все было слишком живым, слишком опасным.

Но мысль уже стучала в голове, как короткий звонок: анонимка пришла, комиссия назначена, режим введен.

И завуч смотрит на нее так, будто утечка уже имеет имя.

Глава 5. Ошибка и удар

После объявления строгой готовности школа изменилась окончательно. Люди стали ходить быстрее, говорить короче, улыбаться реже. В учительской почти перестали шутить. Даже дети, казалось, почувствовали: взрослые не просто устали, взрослые боятся.

Алина старалась не мешать. Делала все максимально по правилам, насколько понимала эти правила. Проверяла записи дважды. Дублировала планы на почту. Переписывала формулировки домашнего задания так, чтобы они звучали официально.

И все равно ошиблась.

Это была мелочь. Нелепая мелочь, из тех, что ты не замечаешь, пока кто-то не ткнет в нее пальцем.

После второго урока она заполнила электронный журнал, а бумажный оставила на потом, потому что ее отвлекли: пришла мама одного ученика, попросила поговорить про успеваемость, затем позвал дежурный учитель – в коридоре кто-то поссорился, и нужно было просто постоять рядом.

Когда Алина вернулась в кабинет, звонок уже прозвенел на следующий урок. Она быстро подхватила журнал и, не думая, закрыла его на замок шкафчика вместе с тетрадями, чтобы не оставлять на столе.

В конце дня, когда она наконец села все оформить, оказалось, что в бумажном журнале она поставила тему урока, но не поставила подпись. И отметки за работу тоже внесла не в ту строку: на одну колонку сдвинула. Исправить можно было, ничего страшного. Она взяла ручку и аккуратно попыталась поправить, как учили на практике: зачеркнуть одной линией, рядом написать верно, подпись, дата.

Но за дверью раздался стук.

– Войдите, – сказала она, и сердце почему-то неприятно сжалось еще до того, как она увидела, кто это.

В кабинет вошел Марк Александрович.

Он не выглядел раздраженным. Он вообще редко выглядел чем-то. На лице – то же спокойствие, которое давило сильнее любого крика.

– Алина Сергеевна, – сказал он, – можно ваш журнал?

Она замерла.

– Сейчас?

– Сейчас, – подтвердил он.

Алина протянула журнал. Марк сел за первую парту, открыл на нужной странице и начал смотреть.

Он смотрел молча. Долго. Так, что Алина чувствовала каждую секунду как под лампой.

– Вы исправляли запись? – спросил он наконец.

– Да. Я случайно... – она хотела объяснить, но он поднял руку, не грубо, просто остановил поток слов.

– Исправления в журнале делаются по правилам, – ска-

зал Марк. – У вас исправление оформлено неверно. Подписи нет. Даты нет. Кроме того, отметки внесены с ошибкой, и вы пытались это корректировать в рабочей строке, а не через установленный порядок.

– Я поставлю подпись и дату, – быстро сказала Алина. – Я просто не успела...

– Не успела – не причина, – ответил он ровно. – Это документ строгой отчетности.

Ее пальцы сжались на краю стола.

– Я же не специально, – сказала она, и в голосе мелькнула злость, которой она сама испугалась. – Это первый раз.

Марк поднял глаза.

– В таком режиме первый раз – это уже риск, – сказал он. – Комиссия не будет разбираться, первый или не первый. Они увидят нарушение. И все.

Он закрыл журнал.

– Я фиксирую это служебной запиской. Вам нужно написать объяснительную: почему допущено нарушение в ведении журнала.

Алина почувствовала, как ее будто ударили в грудь.

– Объяснительную? Из-за подписи?

– Не из-за подписи, – спокойно поправил он. – Из-за нарушения порядка ведения документации.

Ей стало жарко. Это выглядело так, будто он ждал, когда она оступится. Будто специально ходил по кабинетам, чтобы найти у нее ошибку.

– Вы же понимаете, что это... – Алина остановилась, потому что дальше было опасно: дальше начинались обвинения.

– Я понимаю только одно, – ответил Марк. – В школе сейчас кризис. И любая формальная ошибка – это повод. Я не собираюсь давать поводы.

Он встал.

– Завтра до десяти утра объяснительная у меня. И исправления в журнале привести в порядок в моем присутствии.

Он вышел так же спокойно, как вошел.

Алина осталась одна и смотрела на журнал, будто на чужую вещь. Внутри поднималась обида, густая и липкая: не за бумагу, не за подпись. За то, что ее поставили на место через процедуру.

«Сживает новеньких», – вспомнила она.

Ей хотелось позвонить куратору мониторинга и сказать: вот, видите? Он такой. Он давит. Он делает это специально.

Но она не позвонила. Она заставила себя открыть блокнот, написать: «Объяснительная. Завтра до 10:00». Ровными буквами. Как у них здесь принято.

На следующий день она пришла раньше, написала объяснительную максимально нейтрально: «В связи с высокой нагрузкой и отсутствием опыта ведения документации в данной школе допустила...» – и дальше сухие слова. Ни эмоций. Ни попыток оправдаться.

Перед уроками Ольга Викторовна забежала в кабинет.

– Алина Сергеевна, вас Марк Александрович ждет. Срочно.

– Уже? – Алина подняла взгляд. – Сейчас урок...

– Он сказал до десяти, – мягко напомнила Ольга Викторовна. – Лучше не задерживать.

В кабинете завуча Марк взял лист, прочитал, поставил резолюцию. Никаких лишних комментариев.

– Исправления сделайте при мне сегодня после четвертого урока, – сказал он.

– Хорошо, – ответила Алина, и это «хорошо» прозвучало в ней как поражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.